

ПИСАТЕЛЬ
АНДРЕЙ ГЕЛАСИМОВ:

Новые известия —
2005. — 31 марта. — с. 5

«Литература учит летать»

Мария Кормилова, Париж

На днях Андрей Геласимов был признан самым читаемым российским писателем во Франции. Его повесть «Жажда» о парне, вернувшемся с чеченской войны, стала настоящим бестселлером. Для сравнения: в прошлом году самым читаемым у французов русским автором был Михаил Булгаков, а в позапрошлом — Борис Акунин. В своем интервью «Новым Известиям» Андрей Геласимов размышляет о вкусах парижан, а также раскрывает тайны современной литературы и кино.

— Вашу повесть наградили за политический подтекст?

— В моей «Жажде», по-моему, нет политики. Я знаком со многими людьми, бывшими на чеченской войне. Это мои бывшие студенты, воевавшие на Кавказе, и военные журналисты, ездившие туда с оружием в руках. Но меня больше волнует не военный опыт, а психо-

логический портрет человека, вернувшегося оттуда, который пытается хоть как-то понять, что делать дальше. Понимаете, таких войн, как чеченская, будет еще миллион, а человек на них все время один и тот же! Пусть писатель высказывает гражданскую позицию, если она у него есть. У меня есть позиция мужа, отца, брата, любовника — но не гражданина. Страна сейчас не та, чтобы чувствовать себя гражданином.

— Награждая вас «читательским Гран-при», издатель Мишель Парфенов счел особо важным, что финал вашей повести «Жажда» оптимистичен. Насколько имел значение лично для вас подобный исход повествования?

— Мне вообще очень важно, чтобы все заканчивалось светом. Я сегодня молился в церкви Сакре Кер. Просто шел мимо и узнал, что там как раз идет служба. Там очень важно, что в конце длинного темного нефа католического собора есть огромная фреска на потолок. И она освещена. В конце темного туннеля свет. Таково построение храма. Задумка архитектора.

— Повесть «Жажда» построена на приеме, очень сильно бьющем по чувствам. Мне, например, было страшно читать про об-

горевшие веки солдата. Вы не боитесь, что это сентиментальный прием?

— Ну, какая же это сентиментальность! Переезжает тебя грузовик — разве это сентиментальность? Я лежал в больнице рядом с этим человеком. У меня в этот момент был сломан позвоночник, поэтому меня месяц держали на наркотиках. Каждые два часа — обязательно укол промидола, иначе ты погибашь от болевого шока. Не знаю, сентиментально это или нет, но это мой опыт. А рядом лежал человек, которого переехал задним колесом «ЗИЛ» 555-й. У него от таза осталась каша. Это просто правда! Зайдите в любое травматологическое отделение.

— Но литература — вид искусства, а значит, вымысел по определению. Модная сейчас «литературная чернуха» так скандальна именно потому, что основана на жизненных реалиях, о которых раньше просто не писали. К примеру, «чернушник» Стогофф в романе «mASIAfucker» описывал нашу страну, в которой происходит такое, что нарочно не придумаешь...

— Да, но там нет полета. Там чернуха ради чернухи. А зачем собственно строилось это странство? Обязательно нужен прыжок и полет, литературная конструкция должна заста-

вить взлететь, читатель должен взлететь. Но для этого сначала оторваться от земли должен писатель. А в чернухе описывают, как все ползают в грязи. Наверное, есть особое наслаждение от ползанья, и его тоже можно понять. Плюс это модно — все эти панки, готты. В грязи похлопаться — круто, наверное: «Cool, man! Wow! Yo!» ...Ничего не имею против, но я этим не занимаюсь.

— В повести «Жажда» искалеченный Чеченский герой все время рисует. Это ваша практика? Вы ведь все время вспоминаете свое образование режиссера и даже говорили, что руководите персонажами, как актерами.

— Нет, ни в коем случае. Но я знал твердо: «Этот парень должен быть талантлив. Он не должен быть как все. Не должен быть». Нужно было только нащупать, в чем его талант. Писать он не мог. Что я буду себя повторять? Петь или танцевать вроде как глупо. На конкурсе красоты выступать ему нельзя. Ну, значит, остается талант рисовать. У меня сейчас есть новый персонаж в моем японском романе (в смысле, про японцев). Он лепит, и мне это нравится. Мне нравится, когда люди чем-то занимаются.

— В вашем романе «Рахиль» есть такой фокус, когда герой сидит в кино и раскрывает секреты сценаристов. Например, что если киноактер снял пиджак, то его героя скоро убьют, потому что на белой рубашке видна кровь...

СПРАВКА

Андрей ГЕЛАСИМОВ родился в 1966 году в Иркутске. В 1987 году он окончил факультет иностранных языков Якутского государственного университета. С 1988 по 1992 год учился на режиссерском факультете ГИТИСа (ныне — РАТИ) в мастерской Анатолия Васильева. В 1996—1997 годах стажировался в Халльском университете (Великобритания). В 1997 году защитил кандидатскую диссертацию по английской литературе в МПГУ по теме «Ориентальные мотивы в творчестве Оскара Уайльда». С 2002 года живет в Москве. Занимается исключительно литературным творчеством. В 2001 году вышла книга Андрея Геласимова «Фокс Малдер похож на свинью», из которой заглавная повесть «Жажда» вошла в шорт-лист премии Белкина за 2001 год. За эту же повесть писатель был отмечен поощрительной премией имени Аполлона Григорьева (2002). В 2003 году был опубликован его роман «Год обмана». А за роман «Рахиль» его удостоили звания лауреата премии «Студенческий Букер — 2004».

— Да, есть такая фишка. Я просто рассказывал об этом студентам и подумал, что мой профессор из романа тоже может проболтаться. И это действительно работает. Я могу, смотря фильм, понять, кто и что будет дальше. Иногда я играю в эту игру со своими детьми. Предсказываю, чем кончится разговор или кто и что сейчас скажет. Недавно вот было. Мы смотрели фильм «Проклятый путь» с Томом Хэнксом и Полом Ньюманом. Это гангстерская сага. Там в конце мальчишка идет и говорит: «Меня все спрашивают, какой был Майк Салиман — хороший или плохой. А я им говорю только одно...». Тут мальчишка промолчал, сделал паузу, и я говорю: «Он был мой отец». И мальчишка повторяет за мной: «Он был мой отец». Дети кричат: «Ты знал!» Я честно говорю: «Нет, я с вами смотрел».

— Но ведь профессиональная этика наверняка запрещает раскрывать подобные «секреты» производства кино?

— Ну... Проболтался, конечно. Но не думаю, что кому-то, кто не умеет это делать, такие секреты чем-то помогут. Для этого нужен огромный опыт анализа. Я ведь десять лет преподавал анализ текста, анализ композиции. Знаю, на каком моменте текст должен сломаться и так далее. Если даже я вам расскажу все свои секреты, вы не сможете ими воспользоваться. Это все равно, что я вам расскажу, как ездить на коне. Но если вы до этого не скакали на коне — бесполезно. Вы упадете.